ное съ организмомъ, то перевоплощаться можетъ одна воля (которая и есть сущность всего живущаго), а не случайно связанный съ ней разумъ и разсудокъ, этимъ и отличается его теорія палингенезиса отъ метампсихозы.

Что̀ для отдѣльнаго человѣка сонъ, то для воли, какъ вещи о себѣ, смерть, говоритъ Шопенгауэръ, она не выдержала бы безконечнаго продолженіе тѣхъ же безполезныхъ хлопотъ и страданій, еслибъ у нея оставалось воспоминаніе индивидуальности. Она сбрасываетъ это воспоминаніе въ Лету и выступаетъ снова освѣженная смертнымъ сномъ и снабженная другимъ интеллектомъ.

И новый день влечетъ насъ къ новымъ берегамъ!

Братъ мой умеръ, говоритъ графъ Толстой, вчера или тысячу лѣтъ назадъ и та же жизненная сила, которая дѣйствовала въ теченіе его тѣлеснаго существованія, продолжаетъ дѣйствовать еще сильнѣе на меня и на тысячи милліоновъ людей, хотя видимый для нихъ центръ этой силы, его тѣлеснаго существованія во времени и скрылся изъ моихъ глазъ. Что же это значитъ? Я видѣлъ свѣтъ сухой травы, горѣвшей предо мной, трава погасла, но зарево только увеличилось, я не вижу причинъ этого свѣта, не знаю, что̀ горитъ; но могу заключить, что огонь, зажегшій эту траву, пожираетъ теперь отдаленный лѣсъ или вообще что-нибудь, такъ что я его не вижу.